

РУССКОЕ СЛОВО В ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ

Вечеслав Казакевич

1

Борхес когда-то написал: «К пятидесяти годам в человеке накапливаются нежность, ирония, глупость и многочисленные истории». Не знаю, чего во мне накопилось больше, но частью накопленного иногда хочется поделиться.

Последние два года были для меня особыми. Впрочем, к пятидесяти остро понимаешь, что особа каждая «частичка бытия». Так что правильное будет сказать, эти годы были для меня особенно особыми: у меня вышли две книги.

Одна из них кончается стихотворением, в котором есть образ книжной полки Бога, где собраны лучшие книги, написанные когда-либо на Земле. Это лишь стихотворение. Но любая книга – оказывается ли она на чьей-то книжной полке или попадает на мусорку – незримо встает в один ряд с другими книгами. И два моих не слишком упитанных сборника рукой невидимого Главного Библиотекаря втиснуты уже в один ряд с русскими книгами, в разное время написанными вдали от России.

В СССР понятие «зарубежная русская литература» было не в ходу. Книги авторов, покинувших Россию после революции и в последующие годы, почти не исследовались. Если об отдельных и появлялись редкие отзывы, эти отзывы были уничижительными. Эмигрантская литература (за редчайшими исключениями) не издавалась, более того, находилась под запретом.

В мои студенческие годы по общежитию МГУ гуляло немало запрещенной литературы. И я помню, с какой упоительной таинственностью передавались эти книги, как жадно – иногда за одну ночь! – проглатывались, как сладостно было ощущение опасности, связанное с ними. Когда во время перестройки эти книги появились в свободной продаже, некоторые из них, лишившись своего опасного ореола, оказались скучноватыми.

Но и сейчас история русской зарубежной литературы в России до конца не написана. Зато стереотипы, связанные с ней живут и здравствуют. Вот несколько из них: оторванность от родины и родного языка ничего хорошего писателю не

сулит; по-настоящему большая русская литература создается и развивается лишь в России; писатели, покидающие Россию, передают не только свой талант, но и отечество. (Справедливости ради стоит сказать, что последнее утверждение, хотя и сохранилось еще в некоторых бдительных головах, уже редко звучит со страниц газет и с телевизионных экранов.)

Когда одиннадцать лет назад пасмурным сентябрьским днем я улетал из Москвы в Японию, во мне, кроме радости от того, что через 9 часов я, наконец, увижу свою пропавшую за морем жену, сражались еще два чувства: удовлетворение от того, что моя жизнь меняется (об этом я мечтал!), и тревога – как и что я буду писать в чужой неведомой стране, смогу ли я вообще писать там?

С первых месяцев жизни в Японии я стал отыскивать книги, написанные русскими, оказавшимися вне России. Чего я искал в этих книгах? Наверно, прежде всего, родственных душ. Ведь среди авторов книг, как среди обычных людей, мы ищем тех, кого можем полюбить, кто может стать нам другом. А еще я пытался разобраться, что теряли или находили русские литераторы, заброшенные в иноземные края.

2

Родословная русской зарубежной литературы начинается с путешественников. Популярным жанром древнерусской литературы были «хождения». В те времена главными путешественниками были воины, паломники и купцы. Но воины чаще всего не доходили до письменных принадлежностей, складывая голову по дороге. Так что один из первых литературных памятников такого рода оставлен нам паломником. Это «Хождение Игумена Даниила» (12 век).

Как многие первоначальные вещи древнерусской литературы, это «Хождение» во многом копирует византийские, а шире, античные образцы. В книге описывается путешествие в Святую землю. Не удивительно, что ее автор – монах.

Любопытнее другая книга того же рода – «Хождение за три моря». Ее автор – Афанасий Никитин – купец, который в 15 веке 6 лет странствовал по Востоку: жил в Иране и в Индии. По яркости и пестроте впечатлений его книга похожа на восточный базар.

Забавно перечитывать впечатления русского, приехавшего в Индию полтысячи лет назад: «Все голые и все беременные... Детей рожают каждый год... Все черные и

ходят за мной, потому что я белый... Груды голые... А девочки до семи лет совсем голые. Стыда у них нет!» – в сердцах заключает строгий купец.

Эта книга замечательна тем, что написана простым человеком, не помышлявшим о писательстве до путешествия. Вот пример того, что чужая земля способна превратить любого иностранца в литератора. Нетрудно понять, почему. Писатель – это, грубо определяя, человек, видящий нечто настолько новое, что оно просится в слова и на бумагу. Любой приезжий в чужую страну оказывается в такой роли.

«Хождение за три моря» заканчивается прославлением Руси. «Русская земля лучше всех! - горячо восклицает автор. – Другой такой нет. Храни ее Господь!» Чужая земля всегда вызывает сопоставление со своей отчизной, заставляет по-новому увидеть родину, способна разбудить гордость за свою страну.

С развитием транспорта «Хождения», естественно, закончились. Но сам жанр не ушел. Откройте русский Интернет и вы найдете сотни произведений, посвященные описанию поездок в другие страны. Как правило, все эти вещи написаны непрофессионалами.

Кажется, пик развития этого жанра пришелся на конец 17-го-начало 19-го века: от питомцев Петра, которые ехали в Европу учениками и описывали ее по-ученически скрупулезно и наивно, до Николая Карамзина, 2 года жившего в Европе и написавшего знаменитые «Письма русского путешественника».

Эти «Письма» содержат массу курьезного. «В Париже, - пишет Карамзин, - лучшие бани называются Русскими. Там вас помогут также хорошо, как в Москве, в Грузинских банях». С изумлением он замечает, что «во Франции Бургонское совсем не похоже на то, что продается в России».

Вспоминается пьеса Островского, в которой жених приходит в винную лавку и заказывает на свадьбу лучшее вино.

- Вино у нас одно, - отвечает флегматичный приказчик, - а наклейку, какую угодно можем приклеить!

Карамзин – первый русский автор, который едет за границу не ради паломничества к святым местам, не торговать и не учиться. Он ощущает себя представителем всечеловеческой культуры и приезжает, как равный к равным. «Главное – быть людьми, а не славянами!» - написал он, вызвав бурю среди русских литераторов, один из которых едко заметил: «А разве славяне – не люди?»

Карамзин не только вносит в русскую литературу чувство космополитизма: познакомившись во Франции с литературными салонами, он находит средство для реформы и обновления русского литературного языка. Его девиз «нужно писать так, как говорят наши дамы» не просто изменил русский литературный язык, но положил начало русской литературе 19 века.

Русские писатели-путешественники приближали далекие края к России. Их книги образовывали русских, раздвигали их представления о мире, расширяли русскую культуру. Тургенев как-то обронил: «Нельзя сказать, что ты знаешь свой родной язык, пока не овладел хотя бы одним иностранным».

3

Следующую группу русских зарубежных авторов можно назвать беглецами. Список их велик и расстилается на несколько столетий. Упомяну лишь некоторых. Открывает этот список князь Андрей Курбский. Почувствовав, что теряет милость царя, а вместе с ней может потерять и голову, он бежал в Литву.

Он тоже не был профессиональным писателем. Но вступил в переписку с Иваном Грозным и, обличая в письмах жестокость и кровожадность царя, продемонстрировал очень неплохое умение владеть языком, высокую образованность. Грозный показал не меньшую начитанность. Их переписка стала памятником древнерусской литературы.

Затем идет подьячий Посольского Приказа Григорий Котошихин. Шведский дипломат завербовал его в агенты за большие по тем временам 40 рублей. В 1644 году Котошихин бежал из Московии сначала в Польшу, потом в Стокгольм, в Стекольное царство, как тогда говорили русские. Этот перекаги - чиновник тоже не собирался быть писателем, но в Швеции написал книгу, в которой описал и подверг жесткой критике московское государство, предрассудки, невежество и безнравственность московитов.

Котошихин был принят на шведскую службу, поменял веру, но больше увлекся женой хозяина дома, в котором проживал. В пьяной ссоре с обманутым мужем Котошихин кинжалом убил его и был приговорен к смерти. Ему отрубили голову, а его скелет скрепили медной и стальной проволокой. Кажется, это единственный русский сочинитель, ставший наглядным анатомическим пособием.

С Курбского и Котошихина, законно обвиненных в государственной измене,

в России зарождается подозрительное отношение к любому русскому литератору, покидающему родину.

С 19 века вместо капелек-одинок за границу побежал ручеек беглецов, превратившийся к двадцатым годам 20 века в настоящий поток. Из 19 столетия выберем двух литераторов. Первый – Владимир Печерин. Он окончил Петербургский университет, печатал свои переводы и стихи. Его направили в Берлин для подготовки к профессорской работе. Возвратившись в Петербург, он отказывается от успешной карьеры и просится снова за границу. Его отпускают, и больше в Россию он не возвращается.

Печерин в своих произведениях называет Россию тюрьмой, русских – варварами. Он протестует против главенства православной церкви в делах совести, пишет, что «время церковью прошло, каждому человеку должна быть предоставлена полная воля верить во что ему угодно». Ему принадлежит знаменитое стихотворение о России, в котором есть такие строки:

Как сладостно отчизну ненавидеть

И жадно ждать ее уничтоженья!

Отрекшись от православия, он принимает католичество и, став священником при больнице, пользуется репутацией лучшего пастора во всей Ирландии. Свою библиотеку он завещал Московскому университету. И она хранится там до сих пор.

Намного известнее имя Александра Герцена, писателя, оставившего Россию в 1847 году. Герцен, унаследовав отцовское состояние, создает в Англии Вольную русскую типографию, где печатает запрещенные в России книги и газету «Колокол», переправляя их на родину. Волна революционных потрясений, накрывшая Россию во второй половине 19 века, во многом взметнулась из-под герценовских типографских прессов. За границей он написал свою известную книгу «Былое и думы».

Не счесть русских беглецов в 20 веке. Множество русских литераторов после революции и в последующие годы стремились ускользнуть от установившегося в стране режима. Владислав Ходасевич и Георгий Иванов оставили Советскую Россию, получив направление за границу от Народного комиссариата просвещения. Это был наиболее надежный способ бегства: выехать за границу легально, с паспортом и визой, полученными с помощью связей, за взятку или иными путями - а потом не возвратиться.

Написанные Ходасевичем и Ивановым за границей стихи, стали классикой русской поэзии. Особенно показательна судьба Иванова. В России он был молодым

второстепенным стихотворцем. Желая поразить публику, он красил губы, рисовал рисунки на щеках и в таком виде разгуливал по Невскому проспекту. Ходасевич писал, что только катастрофа или горе могут сделать из Иванова поэта.

Оказавшись в Европе, Иванов надолго умолкает. Зато, когда через десяток лет в печати появляются новые его стихотворения, читатели увидели нового, глубокого, трагического поэта, ставший звездой тогдашней русской зарубежной поэзии. В губной помаде он уже не нуждался.

Когда я приехал в Японию, стихи на много месяцев ушли от меня. Моя жена – главный мой лекарь от тоски – ободряла меня:

- Не грусти! Вон Иванов почти десять лет молчал!

- Иванов мог и дольше не писать, - отвечал я, - он уехал из России в 28 лет, а я в 42.

Ходасевич и Иванов, кроме стихов, оставили статьи, мемуары, портреты деятелей революции, начиная от вождей, угнездившихся за зубчатыми кремлевскими стенами, до рядовых чекистов и чиновников. Останься эти писатели в СССР, они бы этих книг не написали.

Во второй половине 20-го века многие литераторы вырываются из Советского Союза в потоке еврейской эмиграции (даже русские по национальности), или женившись на иностранках. Среди них Довлатов и Лимонов, яркие имена в современной русской прозе.

Своей похабщиной Лимонов коробит многих (меня в том числе), и все же он напомнил русской литературе, что писатель не должен бояться языка. А Саша Соколов, уехавший с женой-иностранкой в Канаду, написал там свежий по языку и стилю роман «Школа для дураков».

Все беглецы обычно неприязненно относились к современному им российскому государству. Но в их критике России было не просто много справедливого. Они говорили о том, о чем другие в России молчали.

Следующая группа, которую окрестим «командированными», напротив, чаще возвеличивала Россию. Речь о тех, кто оказался за границей по делам службы.

Дипломатом, уехавшим в Европу в юности и задержавшимся там на 22 года, был Федор Тютчев. Как поэт он сложился за границей. Все русские и даже изучающие русский язык иностранцы знают его стихи:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная статья:
В Россию можно только верить.

Многие его лучшие стихи написаны в Германии, немецкая поэзия и культура во многом повлияли на него. Он был другом Гейне, первым переводчиком его стихов на русский язык. В своих стихах он воинствующий русский патриот, звавший русских взять Балканы и Константинополь.

Мало у кого найдешь такие замечательные по живописности и силе стихи о русской природе, как у Тютчева. Однако многие из них написаны не над Волгой, а над Рейном. Расстояние, отделяющее поэта от родины, не препятствует ему рассмотреть родной пейзаж, и даже - словно в волшебном приборе,- делает этот пейзаж более ярким и картинным.

Пейзажные вещи Тютчева – не просто зеркало природы. За шелестом российской березовой рощи в его стихах порой слышишь шелест страниц книг по немецкой классической философии, которую он изучал.

Судьба Тютчева показывает, что пребывание на Западе порой превращало русских писателей в антизападников. Еще более справедливо это по отношению к Константину Леонтьеву, который с 1863 года был секретарем и переводчиком русского посольства на острове Крит, а потом почти десять лет консулом в греческих и славянских областях Турецкой империи.

Леонтьев написал ряд повестей из балканской жизни, которые Толстой находил прелестными. Оставим это дамское определение на совести Толстого. Несомненно другое - из вспыльчивого чиновника – за критический отзыв о России он ударил хлыстом французского консула и чуть было не потерял службу – Леонтьев превратился в не самого последнего русского мыслителя.

Уникальность Леонтьева в том, что он талантливо отстаивал совсем не либеральные взгляды. Это ему принадлежит знаменитая фраза: «надо подморозить хоть немного Россию, чтобы она не гнила». Леонтьев стоял за самое суровое государственное управление, презирал европейские формы жизни, считал, что современная цивилизация стремится к превращению каждого в серого среднего человека.

Он остался чужим и для русских писателей-западников, и для славянофилов. Критикуя Запад, он не обольщался Россией. Он первым возразил Достоевскому, предсказав, что из народа-богоносца русский народ обязательно станет народом-богоборцем.

Судьбы Тютчева и Леонтьева говорят, что с 19 века русские писатели за границей не только глубоко усваивают чужую культуру, но кладут начало полемическому диалогу русской культуры с западной культурой и цивилизацией.

Хотя «беглецы» критиковали Россию, а «командированные» возвеличивали ее, и те, и другие пришли к самым крайним воззрениям. Разлука с родиной придает особую страстность и радикализм в оценках своего и чужого.

5

Третью группу русских писателей, работавших за границей, можно назвать «вольными художниками». Это писатели 19 века, которые отправлялись в дальнюю дорогу, не спасаясь от властей, и не «с подорожной по казенной надобности».

Почти 12 лет прожил за границей непоседливый Гоголь. Из Германии он катил в Швейцарию, из Швейцарии во Францию... Больше всего прожил в Риме, который полюбил и узнал настолько, что, когда в Рим приезжали его знакомые, он с воодушевлением становился их гидом.

За границей Гоголь пишет поэму «Мертвые души». Если бы меня попросили назвать произведения, ставшие основанием национального самосознания, особого рода национальным эпосом, я бы назвал всего пять вещей: «Слово о полку Игореве», «Евгений Онегин», «Мертвые души», «Война и мир», «Братья Карамазовы».

Как видим, одно из пяти литературных произведений, без которых невозможно себе Россию представить, создано вдали от России. Сейчас кажется, что иначе и быть не могло:

Лицом к лицу лица не увидать,

Большое видится на расстоянии.

(С. Есенин)

И правда! Завораживающее бескрайнее пространство России, уместившееся под обложкой с названием «Мертвые души», могло быть увидено только на расстоянии и с ностальгией. Европейская культура тоже повлияла на эту книгу: горбясь над рукописью, Гоголь читал Гомера и «Божественную комедию» Данте. Сама заграничная жизнь Гоголя с переездами и дорожными приключениями сказалась в его поэме.

Многие годы прожил в Европе другой русский классик – Тургенев. В отличие от Тютчева и Леонтьева он стал убежденным западником. В наследство Тургенев получил 8 имений, а к концу жизни у него осталось лишь одно: остальные были проданы для оплаты его жизни за границей.

Не стану перечислять все, что было там им написано. Достаточно сказать, что в Европе он работал над прославленными «Записками охотника», в которых толпится крестьянская исконная Русь. Император Александр Второй, отменивший в России крепостное право, признавался: на его решение дать свободу крестьянам во многом повлияли «Записки охотника».

В отличие от Тургенева Достоевский был антизападником. Это не помешало ему провести за границей, в основном в Германии, 4 года, там писались «Идиот», «Бесы». В письмах он на все корки ругает немцев: «Ах, какие подлые эти немцы!», «немцы преучтивые, хотя зверские снаружи», «немцы мне расстраивали нервы». Но, вернувшись домой, он записал, что больше всего, его раздражают русские. В итоге жена Достоевского вспоминала, что заграничные годы были самыми счастливыми в их жизни. Даже эпилептические припадки у Достоевского в Европе на время почти прекратились.

6

Последнюю и самую многочисленную группу русских зарубежных писателей образуют те, кто сам себя называл изгнанниками. Речь о тех, кто после революции и Гражданской войны покинул Россию, или был выслан из страны советскими властями.

Трудно передать ощущение, возникающее при мысли об этой эмиграции. Россию почти в одночасье оставили несколько миллионов человек. (Раньше говорили о 2 млн., сейчас пишут, что их было более 15 млн.) Кажется, от российского материка

откололась часть суши и отплыла к другим берегам со всей жизнью, что цвела и дышала на ней: с армией и флотом, с литературой и искусством, с университетами и школами, с церквями, облаками, лопухами.

Невозможно перечислить здесь все звонкие фамилии русской послереволюционной литературной эмиграции: Куприн, Бунин, Шмелев, Мережковский, Тэффи, Северянин, Ремизов... Впервые в русской литературе сложилась ситуация, когда большая и лучшая часть писателей, критиков, философов жила и работала вне России.

Есть интересное свидетельство того времени. Жена Бунина вспоминала, что во Франции они жили, как будто у себя на родине, ежедневно встречаясь и общаясь с русскими. «Только прислуга напоминает, что мы не в России», - писала она.

В такой ситуации, как обычно, были плюсы и минусы. Плюсом для многих русских было то, что они – каким бы иллюзорным ни было это чувство! - ощущали вокруг себя русскую жизнь. Но из-за этого они довольствовались своей средой, не интересовались жизнью и языками стран, в которые их занесла судьба. Поэтому Германия, Франция, Югославия, Болгария, Китай, если и появляются изредка в прозе и стихах русских эмигрантов так называемой «первой волны», это чаще всего только фон, а не питательная среда.

Отчуждение от России не заставило умолкнуть абсолютное большинство прозаиков и поэтов. В русской зарубежной поэзии возникают целые новые направления, такие как «парижская нота». Появляется молодое яркое литературное поколение: Владимир Набоков, Борис Поплавский и другие. Не случайно в тридцатые годы Нобелевскую премию в области литературы получил русский писатель Бунин. Кстати, среди претендентов на премию был не один русский, а несколько.

В силу того, что за границей одновременно работало много русских писателей, стали более заметны характерные черты и особенности литературы, создаваемой вне родины. Оказалось, что большинство наиболее значительных романов и повестей, созданных в эмиграции, посвящены почти одной и той же теме. «Жизнь Арсеньева» Бунина, «Юнкера» Куприна, «Лето Господне» Шмелева, «Детство Никиты» Алексея Толстого - все это классические произведения о детстве и юности. Как это ни странно: кратчайший путь к детству и юности, к своему прошлому пролегает через чужбину.

К изгнанникам относятся и Александр Солженицын, и Иосиф Бродский, уже на нашей памяти оказавшиеся за границей и ставшие лауреатами Нобелевской премии.

С огорчением ощущаю, насколько не полон мой беглый очерк русской зарубежной литературы. Домоседам-японцам трудно даже вообразить, как много русских писателей работало и продолжает работать за границей. Я не назвал и десятой части всех имен.

Очевидно, мнение о том, что чужбина губит писателя, мягко говоря, расходится с действительностью.

Но мы говорили лишь об успешно состоявшихся на чужбине писательских судьбах. А сколько было неуспешных? Сколько писателей, расставшись с родиной, расстались с пером и бумагой?

Добавлю еще, что о достижениях русской литературы за рубежом сообщает в данной статье человек, который сам живет и пишет за границей. Не собираясь никого вводить в заблуждение, он в то же время обязан убеждать, в первую очередь, самого себя и попутно читателей в том, что чужбина не отшибает или, по крайней мере, не всегда отшибает страсть к писательству.

«Родину не унесешь на подошве своих сапог!» - сказал Дантон. С отъездом за границу земля сама уходит из-под ног, и самое важное для писателя, оказавшегося вне родины, вновь обрести почву под ногами, заново найти и свою родину, и себя.

Я часто использовал определение «русская зарубежная литература». На деле, конечно, существует одна русская литература, одно дерево, две главные ветви которого протянуты в разные стороны: одна над среднерусскими холмами и равнинами, где так безлюдно, что слышно, как гудят телеграфные столбы; другая – над совсем иными странами.

Главное, что нашла и продолжает находить русская литература в чужих землях, это свободу. С отъездом писатель освобождается не только от государства, цензуры, тайной полиции, литературных партий, устоявшихся мнений, но даже от самого себя, бывшего.

В свое время советские литераторы, встречавшиеся в Париже с писателями-эмигрантами «первой волны», поражались – какой у них прекрасный русский язык! Я думал раньше, это следствие того, что эмигранты сохранили высокую старую культуру. Но в Японии понял: за рубежом забываешь жаргонные слова, не усваиваешь «новояз» – и язык промывается, очищается от словесного мусора.

И потом, язык – это единственное, что у тебя остается от родины, от родителей, от резинового слона, с которым ты играл в детстве, от солнечного зайчика, жившего на окне на кухне, от всей твоей былой жизни. Естественно, к этому языку относишься с особой нежностью и заботой.

С насмешкой над самим собой замечаю: послушать меня, так за граница – просто рай для русских писателей! Конечно, это не так. Я твердил о том, что находит писатель за границей. Но я не говорил о том, что он теряет. А теряет он почти все.

Часто в произведениях да и в жизни писателей, покинувших Россию, есть страх перед ней. Вот кошмарный сон Набокова:

Бывают ночи, только лягу,
В Россию поплывет кровать...
И вот ведут меня к оврагу,
Ведут к оврагу – убивать.

Тургенев в предсмертном бреду вместо окружавших его французов видел перед собой кого-то в русском мундире и молил: «Ваше сиятельство, пощадите, зачем, зачем вы на меня кандалы надели, велите их снять, зачем вы меня мучаете, зачем вы меня пытаете хотите, меня, Тургенева...»

Я долго думал, что этот страх связан с ужасом перед жандармами, перед НКВД, КГБ. Но этот страх глубже и сложнее: кажется, он связан с подсознательным чувством вины перед родиной. Что бы мы о ней ни говорили, в ней есть и остается для нас нечто материнское. И какими бы причинами ни оправдывали свой отъезд, глубоко в сердце остается беспощадное знание – мы оставили мать. И как всякий провинившийся сын втайне знаешь, что заслуживаешь наказания.

И запальчивый патриотизм, о котором я говорил, и горячая ненависть к отчизне тоже, возможно, растут из тайного чувства вины перед родиной, они - не больше, чем оправдание. Только кто-то оправдывает свою отлучку тем, что за границей стал любить Россию еще пуще, а другой тем, что уехал из-за того, что жить в России невыносимо.

Есть у меня и еще одно странное чувство: я знаю, какие стихи и прозу написал в Японии; но понятия не имею, что бы написал, если бы не уехал. Эта загадка нет-нет да и начинается, как неотвязная муха, жужжать надо мной. «Скорее всего, ты бы там давно уже загнулся!» - говорю я себе в раздражении, чтобы отогнать назойливую мысль.

Но проходит время, и снова ловлю себя на том, что упорно думаю: «Вот я написал в Японии такие-то стихи и прозу, а интересно, что бы я написал за 12 лет в

Москве, останься жить в старом девятиэтажном доме, в квартире с окнами на зеленый пруд?» ...

Ответа, конечно, нет.